

Понятіе о душѣ

по даннымъ внутренняго опыта *).

I.

Между общими философскими предположеніями современной психологіи къ числу самыхъ популярныхъ нужно отнести то, по которому въ нашей душѣ мы знаемъ только явленія и ничего другого не можемъ знать. По этому взгляду, все, что мы можемъ воспринять и сознать о себѣ самихъ, тѣмъ самымъ неизбѣжно оказывается явленіемъ, а стало-быть и наша душевная жизнь, поскольку она наблюдается и понимается нами, должна представлять цѣль явленій и ничего больше. Существуетъ ли какая-нибудь субстанція психическихъ феноменовъ? Этого мы не знаемъ навѣрное; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ составить о ней никакого понятія по тѣмъ даннымъ, какія доставляютъ намъ опытъ. Въ явленіяхъ души не заключается никакого намека на свойства ея сущности. Что такое душа въ самой себѣ,—есть ли она самобытное, безтѣлесное существо, по своимъ признакамъ рѣзко противоположное всему материальному,—или носителемъ духовныхъ процессовъ является вещество, изъ котораго слагается нашъ тѣлесный организмъ,—или, наконецъ, подлинный субстратъ психического существованія представляетъ нечто среднее, возвышающееся надъ противоположностью материального и духов-

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Psychologicalского общества 16 марта 1896 г.

наго, одинаково способное служить основой и того и другого? Эти вопросы могутъ интересовать метафизиковъ, но до нихъ нѣтъ дѣла настоящему психологу. Можетъ быть, и совсѣмъ нѣтъ душевной субстанціи, а существуютъ только чистая психическая явленія и событія, слѣдующія другъ за другомъ по неизмѣннымъ, однообразнымъ законамъ и образующія своимъ теченіемъ то, что мы называемъ своею душою? Возможно и это, и даже многіе полагаютъ, что именно такое объясненіе и нужно считать самымъ вѣроятнымъ.

И вотъ мы могли убѣдиться въ прошломъ рефератѣ *), что всякие подобные выводы опираются на простое злоупотребленіе логическими терминами. Для насъ стала во всей своей ясности истина *соотносительности явленій и субстанцій* **), и мы должны были признать необходимость распространить ее и на психическую сферу. Ея смысьль можно формулировать въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: нѣтъ явленій въ субстанцій, какъ нѣтъ субстанцій въ ихъ свойствахъ, состояній и дѣйствій; природа субстанціи выражается въ законахъ и свойствахъ ея явленій, и наоборотъ, нельзя считать за природу субстанціи то, что никакъ въ ней не проявляется. Иначе сказать, субстанція *не трансцендентна, а имманентна* своимъ явленіямъ,—каждое явленіе, въ своей подлинной дѣйствительности, есть сама субстанція въ данный отдельный моментъ своего бытія.

*) См. «Вопросы Фил. и Псих.» кн. 5, 1895 г. „Явленіе и сущность въ жизни сознанія“.

**) Терминъ *субстанція* я употребляю въ самомъ общемъ и каждому доступномъ смыслѣ подлежащаго явленій, или того, чему они принадлежать и что въ нихъ является. Во многихъ случаяхъ этотъ терминъ съ удобствомъ можно было бы замѣнить понятіями *существа, вещи, предмета, сущности*. Несомнѣнно, съ понятіемъ субстанціи, благодаря его долгому господству въ философіи, слились различные ассоціаціи, затемняющія его первоначально простой смыслъ. Но, съ другой стороны, понятія существа, предмета и т. п. въ обыкновенномъ словоупотребленіи оказываются еще болѣе шаткими и при томъ ограниченными по своему значенію. Поэтому я все-таки предпочитаю терминъ *субстанція*, хотя и стараюсь, насколько могу, устранить отъ него всякия предвзятые предположенія старинной метафизики.

Какъ мы знаемъ, эта истина—въ сущности своей, аналитическая—устанавливается самоочевиднымъ отношеніемъ входящихъ въ нее понятій; она оправдывается глубокою логическою несостоительностью всякихъ попытокъ приписать дѣйствительность какимъ бы то ни было непроявимымъ сущностямъ или абсолютнымъ, безсубстратнымъ явленіямъ; она подтверждается наконецъ тѣмъ, что тамъ, где понятія явленія и *субстанціальной основы* употребляются плодотворно и безъ логическихъ противорѣчій, истина соотносительности находитъ себѣ полное и бесспорное подтвержденіе: такъ, въ процессахъ физической природы говорить о движеніяхъ, происходящихъ въ вещества, или о веществѣ, которое пребываетъ где-то выше своихъ собственныхъ состояній движения и покоя, до такой степени нелѣпо, что на это никто не рѣшится.

Истина соотносительности въ своемъ общемъ видѣ представляется настолько простою и очевидною, что, пожалуй, покажется лишнимъ и страннымъ такъ настаивать на ея несомнѣнности. Къ сожалѣнію, въ философскихъ разсужденіяхъ слишкомъ часто пренебрегаютъ самыми очевидными истинами,—лучшее доказательство того, въ какомъ еще несовершенномъ состояніи находится философія и до нашихъ дней. Еслибы признали истину соотносительности во всей широтѣ ея смысла и во всѣхъ ея неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ,—сколько метафизическихъ идоловъ сразу разлетѣлось бы. прахомъ! И прежде всего куда дѣвались бы внушительныя рѣчи объ абсолютно непостижимой сущности духа, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать чуть не всѣ современные психологи? Во что вообще обратилось бы тогда столь дружно почитаемое философами подъ разными кличками понятіе о „вещахъ въ себѣ“? Вѣдь ему нигдѣ не останется места,—ни въ нашемъ внутреннемъ, ни даже во внѣшнемъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, полная непригодность его и для пониманія этого послѣдняго можетъ быть показана путемъ очень простыхъ соображеній: наши воспріятія внѣшней дѣйствительности вызываются въ насъ извѣнѣ,—

еслибы было иначе, у насъ не существовало бы никакихъ оснований признавать независимый отъ насъ внѣшній міръ въ какой бы то ни было формѣ, въ формѣ ли вещей въ себѣ или какой другой; итакъ, въ нихъ должна отражаться вызывающая ихъ внѣшняя сила: поскольку они—*ея* явленія, они должны быть соотносительны и къ *ней*, а не только къ нашему собственному воспринимающему субъекту; а это означаетъ, что въ нашихъ внѣшнихъ восприятіяхъ не все субъективно,—въ нихъ долженъ присутствовать объективный элементъ ровно настолько, насколько они не отъ насъ однихъ зависятъ. И какъ бы ни опредѣляли мы въ подробностяхъ различіе между міромъ воспринимаемъ и міромъ реальнымъ, едва ли, съ этой точки зреянія, можно было бы оправдать отрицаніе у реальныхъ вещей даже такихъ общихъ свойствъ, какъ множественность, причинность, послѣдовательность въ стадіяхъ развитія, строгая закономѣрность. Коротко говоря, вместо прежняго: мы знаемъ только явленія, намъ вездѣ пришлось бы поставить: *разъ мы знаемъ явленія, мы знаемъ или, по крайней мѣрѣ, можемъ знать то, что въ нихъ является.* И когда мы это сдѣляемъ, философское міросозерцаніе получить совсѣмъ другой видъ.

Впрочемъ, для насъ важны теперь не эти общефилософскія послѣдствія, а приложеніе принципа соотносительности къ душевной жизни: если вообще нѣть безсубстратныхъ явленій, ихъ нѣть и въ нашемъ психическомъ существованіи, и если въ каждомъ явленіи неизбѣжно реализуется его субстанція, такъ должно быть и въ духѣ. Итакъ, въ нашихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ мы должны непосредственно воспринимать наше подлинное существо. И это существо не должно являться намъ какъ что-то обособленное отъ своей жизни и спрятанное за нею въ своихъ независимыхъ отъ нея атрибутахъ и свойствахъ; напротивъ, въ силу того же начала соотносительности мы и для души, какъ вездѣ, должны признать имманентность *ея субстанціи своимъ явленіямъ.* А это значитъ, что въ положительныхъ свойствахъ *ея явленій* должны осуществляться *ея* свойства,

какъ субстанціи, и что, наоборотъ, то, что не выражается и не отражается ни въ какихъ психическихъ фактахъ, не должно и не можетъ принадлежать самой душѣ, какъ ея свойство. Какъ мы видѣли въ прошломъ рефератѣ, изъ этого съ неизбѣжностью вытекаетъ имматеріалистический взглядъ на наше внутреннее сознавшее существо: въ психическихъ состояніяхъ нѣтъ никакихъ материальныхъ признаковъ, — въ этомъ мы убѣждаемся съ абсолютной достовѣрностью, когда переживаемъ каждое изъ нихъ; поэтому, ихъ не должно быть и въ психической субстанціи, которая испытываетъ эти состоянія и реализуетъ себя въ нихъ. Въ этомъ заключается сильнейший аргументъ спиритуалистовъ всѣхъ вѣковъ.

Но, какъ мы знаемъ, изъ начала соотносительности вытекаетъ и другое, не менѣе важное слѣдствіе: разъ въ душевной жизни непосредственно дана ея дѣйствительная субстанція, то въ свойствахъ, законахъ и всемъ строѣ явленій этой жизни должно непрерывно сказываться ея реальное присутствіе. Во всемъ, что происходитъ въ насъ и является нашему сознанію, должно наглядно воплощаться субстанціальное души подобно тому, какъ въ каждомъ процессѣ физической природы непремѣнно содержится и существуетъ вещество со всѣми своими свойствами. Этимъ вопросъ переносится на психологическую почву: нашъ основной выводъ мы должны провѣрить данными внутреннею опыта. Но какого рода данныхъ мы должны искать въ немъ? Чтобы уяснить себѣ этотъ предварительный вопросъ, мы вынуждены опять на минуту остановиться на анализѣ понятій о явленіи и субстанціи, главнымъ образомъ имѣя въ виду ту область, гдѣ они примѣняются съ безспорною очевидностью и простотою своихъ взаимныхъ отношеній,— область физическихъ фактовъ.

II.

Явленіе и субстанція представляютъ соотносительныя понятія, но все же это понятія различныя; мы обозначаемъ ими двѣ неразрывныя стороны одной и той же дѣйствительно-

сти, которые могут быть отделены одна отъ другой толь-
ко въ разсудочной абстракціи, а не сами по себѣ,—но все-
таки между ними нельзя утверждать тожества. Такъ, дви-
женія нѣтъ помимо и отдельно отъ вещества, которое
движется, какъ нѣтъ и вещества, которое не находилось
бы въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ состояніяхъ движенія
или покоя,—но все же движеніе не есть вещество. Слѣду-
етъ сказать даже больше: въ извѣстномъ отношеніи явле-
ніе и субстанція, при всей ихъ соотносительности, оче-
видно, противоположны между собою, — такая противопо-
ложность замѣчается въ ихъ отношеніяхъ къ опредѣленіямъ
времени. Субстанція есть то, что *пребываетъ*, — напротивъ,
явленія проносятся и мѣняются въ каждое мгновеніе; это
различіе коренится уже въ самомъ общемъ значеніи этихъ
понятій, поскольку, по крайней мѣрѣ, они прилагаются къ
предметамъ наблюдавшаго нами конечнаго міра.

Явленіе есть состояніе, измѣненіе, преходящій способъ
бытія вещи; мы только то и называемъ явленіемъ, что
начинается и кончается. Поэтому каждое явленіе неизбѣж-
но предполагаетъ процессъ, звено или рядъ звеньевъ ко-
тораго оно составляеть. Другими словами, явленіе есть то,
что выражаетъ *текущую сторону* дѣйствительности. Въ виду
этого можно сказать, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда явле-
нія представляются намъ *дляющимися*, они всегда слагаются
изъ цѣлаго ряда болѣе элементарныхъ явленій, причемъ
каждый новый членъ ряда наступаетъ послѣ исчезновенія
и *черезъ исчезновеніе* предшествующаго, чтобы немедленно
уступить мѣсто послѣдующему члену. Такъ, движеніе тѣла
въ одномъ какомъ-нибудь направлениіи можно рассматривать
какъ *одно длящееся явленіе*; и все-таки, на самомъ дѣлѣ,
оно состоитъ изъ безконечнаго ряда перемѣнъ мѣста, при-
чемъ, когда тѣло достигло извѣстнаго мѣста, его нѣтъ ни
въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ были имъ заняты преж-
де; и при этомъ въ каждомъ отдельному мѣстѣ тѣло остает-
ся абсолютно неуловимый моментъ: еслибъ оно задержи-
валось въ каждой точкѣ даже на срокъ невообразимо ма-

лый, оно никуда не подвинулось бы, потому что для движенья даже на небольшое разстояніе нужно пройти *дѣйствительно бесконечное множество точекъ*,—истину, которую такъ хорошо понимали еще древніе элейскіе философы. А вѣдь это должно значить, что *всякое длящееся явленіе представляетъ собою серію явлений абсолютно мгновенныхъ*. Дѣйствительно, здѣсь дѣло идетъ не только объ особой природѣ движенія,—повидимому, совершенно аналогичная замѣчанія можно сдѣлать и о всякомъ другомъ видѣ явлений. Состояніе, переживаемое мною теперь, не есть состояніе мгновенія предшествующаго. Какъ бы ни были они похожи одно на другое, между ними все же остается существенная разница: одно только было, но его нѣтъ,—другое есть *сейчасъ*. Слишкомъ очевидно, что всѣ мои прошлые состоянія, какъ бы ни были они близки къ настоящему моменту, уже не существуютъ совершенно такъ же, какъ нѣтъ вчерашняго восхода солнца, нѣтъ моей вчерашней прогулки, нѣтъ моего вчерашняго голода.

Разсмотрѣнное сейчасъ свойство можно назвать непрерывною *исчезаемостью явлений*. И довольно легко замѣтить, отъ чего оно зависитъ: оно коренится въ томъ общемъ фактѣ, что каждое явленіе или каждый рядъ явлений протекаютъ *во времени*. Загадочная природа времени издавна обращала на себя вниманіе философовъ: съ одной стороны, оно предносится человѣческому воображенію, какъ нѣкоторая положительная безграничнаѧ мощь, которая господствуетъ надъ всѣмъ существующимъ и безпощадно покоряетъ своимъ роковымъ законамъ всякия другія силы,—съ другой стороны, понятіе о немъ всегда изумляло мысль чисто отрицательнымъ характеромъ всего своего содержанія. Какъ я уже пытался показать въ другомъ мѣстѣ *), о времени съ полнымъ правомъ можно утверждать парадоксальное положеніе: дѣйствительность времени заключается въ его нереальности. Составныя части, изъ кото-

*) „Полож. задачи философіи“, ч. II, стр. 295.

рыхъ слагается время,—прошлое и будущее—очевидно, не обладаютъ реальнымъ бытіемъ: прошлого *уже нѣтъ*. будущаго *еще нѣтъ*. Поэтому, какъ нѣчто реальное, намъ, по-видимому, остается только нераздѣльное настоящее мгновеніе. Однако, во-первыхъ, это единственно реальное доказываетъ свою нереальность тотчасъ же, какъ только возникнетъ, своимъ немедленнымъ переходомъ въ прошлое, т.-е. нереальное; во-вторыхъ, въ настоящемъ моментѣ не оказывается самой коренной особенности времени—*продолженія*: онъ становится прошлымъ тогда же, когда насту-пиль. И ясно, что время только и осуществляется черезъ постоянное исчезновеніе всего своего наличного состава: настоящее непрерывно исчезаетъ въ прошломъ, въ немъ же исчезаетъ и будущее, ставъ настоящимъ,—вся суть времени въ этомъ неудержимомъ вытѣсненіи предшествующихъ моментовъ послѣдующими. Напротивъ, отнимемъ у моментовъ времени это свойство слѣдоватъ другъ за другомъ, безостановочно обращаясь въ ничто,—предположимъ, что они даны всѣ заразъ, одинаково обладая полною реальностью,—и времени для насъ уже не будетъ: вместо послѣдовательного ряда текучихъ моментовъ, мы получимъ рядъ неподвижно сосуществующій. Этимъ оправдывается выставленное мною *) утвержденіе: «время дѣйствительно лишь настолько, насколько нереально все, что его составляетъ, и еслибъ, наоборотъ, его составные части получили реальность, оно потеряло бы всякую дѣйствительность».

Такимъ образомъ то, что мы назвали *исчезаемостью* явленій, *абсолютною миновенностью* ихъ составныхъ элементовъ, объясняется изъ того простого условія, что явленія совершаются во времени и проходятъ вмѣстѣ съ нимъ. Если только мы допустимъ, что время представляетъ форму всякихъ явленій вообще (а спорить противъ этого значило бы итти противъ очевидности), мы тѣмъ самыми должны будемъ признать, что абсолютная текучесть есть ихъ непре-

*) Ibid., стр. 296.

мѣнное и неотъемлемое свойство: въ немъ тогда наглядно схематизируется основная природа ихъ всеобщей формы. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя умѣститься во времени, какъ въ своей исчерпывающей формѣ, не подчинившись его основнымъ отношеніямъ,—не возникая вмѣстѣ съ наступающими моментами и не исчезая вмѣстѣ съ проходящими,—потому что въ самомъ времени ничего не дано, кромѣ непрерывнаго преображенія моментовъ. Можетъ быть, еще точнѣе было бы сказать, что время есть лишь созданная нашею мыслью схема той неудержимой текучести явленій, которая только и дѣлаетъ ихъ явленіями.

Если коренное свойство явленій состоять въ непрерывномъ исчезновеніи всего, что въ немъ дано, *бытие субстанціальное* характеризуется, напротивъ, *постоянствомъ своею пребыванія*. Явленія никогда не бываютъ одними и тѣми же,—каждый новый, самый неуловимый моментъ ихъ развитія неизбѣжно приносить новыя явленія, которые становятся на мѣстѣ прежнихъ; напротивъ, все, что можно понять какъ субстанцію, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Такъ, вѣщество, изъ которого образована вселенная, въ настоящую минуту, совершенно то же, что и миллионы лѣтъ назадъ, хотя оно тогда было дано и въ иныхъ сочетаніяхъ, нежели теперь. Оно осталось тѣмъ же самымъ, къ нему ничего не прибавилось и ничего отъ него не было отнято,—оно всегда подлежитъ перемѣнамъ въ движениѣ и расположениѣ своихъ частицъ, но никогда не поглощается этими перемѣнами. Явленія, происходящія съ нимъ, составляютъ ему, въ этомъ отношеніи, рѣзкую противоположность: движение, происходящее сейчасъ, можетъ быть очень похоже на какое-нибудь прежнее движение, но оно никакъ не одно съ нимъ; прежнѧго движенія теперь уже абсолютно нѣтъ, разъ оно уже прошло, и то, которое совершается сейчасъ, есть движение новое. Скажемъ ли мы, что мысль о пребывающей субстанціи, во всѣхъ перемѣнахъ сохраняющей внутреннее тожество съ собою, есть произвольная гипотеза, безъ которой можно обойтись? Но пускай кто-нибудь попробуетъ вообразить, что вѣщество

мира, подобно отдельнымъ явлениямъ въ немъ, во всемъ своемъ составѣ цѣликомъ уносится съ каждымъ прошедшимъ мгновеніемъ, чтобы возникать вновь съ каждымъ новымъ моментомъ времени и опять немедленно исчезать,—что тогда выйдетъ? Вместо одного міра, онъ ихъ получитъ безконечное множество, и каждый изъ нихъ будетъ такимъ же мимолетно мелькнувшимъ призракомъ, какъ и всѣ другіе; всякая связь и зависимость для него пропали бы изъ вселенной, потому что между этими мгновенными мірами, въ которыхъ все заразъ образуется вновь, не оставалось бы ничего, что могло бы ихъ привязывать другъ къ другу. Въ подобномъ положеніи оказались нѣкоторые картезіанцы, которые, серьезно усвоивъ идею о полномъ тождествѣ сохраненія міра съ его повторнымъ твореніемъ, вздумали доказывать, что всѣ вещи, со всѣми ихъ свойствами и дѣйствіями, каждое мгновеніе создаются Божествомъ заново: въ послѣднемъ результатаѣ имъ пришло самаго Бога обратить въ единственную субстанцію матеріального міра,—безъ этого вселенная являлась сплошнымъ логическимъ абсурдомъ.

Итакъ, внутреннее единство субстанціального бытія въ многообразіи переживаемыхъ имъ измѣненій не есть произвольная выдумка,—безъ него дѣйствительно немыслимы никакія явленія. Поэтому истина *соотносительности* получаетъ для насъ новое освѣщеніе. Вѣдь всякая дѣйствительность, которую мы познаемъ, все данное и въ насъ, и внѣ насъ воспринимается, представляется и понимается нами только въ формѣ *какого-нибудь* процесса. Между тѣмъ процессъ, какъ связное цѣлое, только и возможенъ подъ условиемъ сочетанія феноменального элемента съ элементомъ субстанціальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ тогда лишь мыслимъ и понятенъ для насъ, когда мы представляемъ себѣ, что предшествующія явленія не просто исчезаютъ, а *переходятъ* въ послѣдующія и сливаются съ ними, т.-е. когда мы думаемъ, что содержаніе предыдущаго не пропадаетъ въ безднѣ ничтожества все цѣликомъ, а что-то въ немъ оста-

ется и переносится въ послѣдующее, только измѣнивъ свою форму. Это что-то и есть субстанциальное въ вещахъ, подлежащее ихъ измѣненій. Насколько трудно обойтись безъ идеи о немъ, видно изъ того яснаго соображенія, что только при ея помощи мы можемъ мыслить причинную связь явленій, какъ дѣйствительную зависимость между ними. А что же останется въ явленіяхъ для нашего пониманія, если извлечемъ изъ нихъ всякия реальная связи? Едва ли кто решится утверждать, что въ мірѣ совсѣмъ нѣтъ процессовъ, а даны только тѣ ихъ безконечно малые, абсолютно недѣлимые и лишенные всякой длительности элементы, на которые они распадаются для отвлеченного анализа, ищащаго содержанія для недѣлимаго настоящаго момента. Не думаю, напримѣръ, чтобы кто-нибудь сталъ доказывать, что въ природѣ вовсе не существуетъ движения, а реальны въ ней лишь неуловимо моментальные нахожденія тѣлъ въ разныхъ точкахъ, черезъ которыя проходятъ тѣла, когда мы говоримъ, что они движутся,—и выводилъ бы изъ этого, что въ дѣйствительности на свѣтѣ все неподвижно. Для всякаго очевидно, что эти недѣлимые элементы и моменты неподвижности въ движущемся представляютъ плодъ совершенно искусственной абстракціи отъ того единственного содержанія, съ которымъ постоянно обращается наша мысль,—отъ процессовъ и движений реальной дѣйствительности. А не значитъ ли это, что пребывающее и субстанциальное въ жизни не менѣе существенно для ея пониманія, нежели то, что въ ней мѣняется и непрерывно проходитъ?

. Субстанція пребываетъ въ своихъ измѣненіяхъ; она остается одною и тою же, тогда какъ ея явленія, дѣйствія, состоянія каждое мгновеніе становятся другими,—это означаетъ, что она имѣеть бытіе *сверхвременное*: такъ, по крайней мѣрѣ, всего скорѣе слѣдуетъ опредѣлить его по сравненію съ текучимъ существованіемъ явленій. Очевидно, что внутреннее тожество субстанціи въ различные моменты ея бытія мыслимо только подъ тѣмъ условіемъ, что она не подчиняется основному закону времени,—закону непрерыв-

наго исчезновенія настоящаго въ прошломъ. Явленія все-цѣло подлежатъ этому закону; напротивъ, глубочайшая характеристика всего субстанціального—въ томъ, что оно подъ нимъ возвышается и немыслимо иначе. Это другое отношение къ закону времени, понятіе *сверхвременности*, мнѣ кажется, выражаетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ образомъ.

Однако, понятіе о *сверхвременномъ* никакъ не нужно отожествлять съ понятіемъ *внѣвременного* или *безвременного*, которымъ обыкновенно обозначается *абсолютная непричастность* временными отношениями и опредѣленіями. Такое смѣшеніе понятій находилось бы въ рѣшительномъ противорѣчіи съ установленнымъ нами принципомъ *соотносительности*: субстанція дана не въ своихъ явленій, а въ нихъ, какъ пре-бывающій источникъ реализуемой въ нихъ энергіи; между тѣмъ явленія непрестанно протекаютъ и мѣняются, слѣдовательно и она сама не можетъ быть совсѣмъ чужда и безразлична къ отношениямъ временной послѣдовательности. Но то, что во времени, взятомъ отвлеченно въ немъ самомъ, является какъ неудержимое исчезновеніе каждого достигнутаго момента, то для субстанціи осуществляется, какъ ея *положительная длительность* или какъ ея дѣйствительное сохраненіе въ смѣнѣ разнообразныхъ состояній. Только черезъ это время становится формою *реальнаго процесса*, а не оказывается лишь чисто отрицательною силой, поглощающею всякую дѣйствительность, едва она появится на свѣтѣ. Другими словами, *реальное* значеніе времени корениится въ бытіи *сверхвременномъ*. Это вполнѣ отвѣчаетъ тому общему опредѣленію времени, которое я считаю единственно истиннымъ и которое я подробно старался обосновать въ моихъ „*Положительныхъ задачахъ философіи*“ *); время есть необходимая форма дѣятельности каждой конечной субстанціи и взаимодѣйствія такихъ субстанцій между собою. Изъ этого опредѣленія прямо вытекаетъ, что субстанціальные единицы бытія, будучи основою времен-

*.) Ibid., стр. 305—309.

наго процесса, логически предшествуютъ ему и, стало-
быть, не могутъ подпадать подъ его законы.

Что сверхвременность въ самомъ дѣлѣ неотдѣлма для нашего пониманія отъ субстанціальности, лучшее тому доказательство въ дѣйствительной невозможности ясно мыслить уничтоженіе какихъ бы то ни было субстанцій. Правда, мы легко представляемъ себѣ возникновеніе и уничтоженіе очень многихъ вещей и существъ, но несомнѣнно, что при этомъ мы имъ всегда приписываемъ сложную природу и разсматриваѣмъ ихъ возникновеніе, какъ постепенное сочетаніе составляющихъ ихъ элементовъ, а ихъ уничтоженіе, какъ распаденіе ихъ мельчайшихъ частицъ. Между тѣмъ тотъ или иной видъ сочетанія элементовъ обозначаетъ только способъ ихъ взаимнаго дѣйствія въ данную минуту,—иначе сказать, онъ выражаетъ лишь происходящее съ ними явленіе. Напротивъ, уничтоженіе послѣднихъ, далѣе неразложимыхъ элементовъ дѣйствительности (какъ бы мы ихъ ни мыслили,—въ формѣ ли материальныхъ атомовъ, внутренно духовныхъ монадъ или какой-нибудь другой) представляеть въ нашихъ глазахъ величайшую несообразность, которую мы можемъ вообразить себѣ развѣ лишь въ качествѣ непостижимаго чуда. Мы понимаемъ уничтоженіе только того въ вещахъ, что принадлежитъ къ категоріи явленій, но уничтоженіе субстанціального въ нихъ кажется намъ абсурдомъ, возмущающимъ разумъ. Если нашъ взглядъ на нераздѣльность субстанціальности и сверхвременности правиленъ, то въ предположеніи уничтожимости какой-нибудь субстанціи дѣйствительно заключалось бы логическое противорѣчіе: субстанція выше времени, она выышается надъ переходомъ изъ реальнаго настоящаго въ нереальное прошлое,—между тѣмъ уничтоженіе есть именно реализація такого перехода.

III.

Полученные результаты такъ ясны и просты, повидимому, въ нихъ даже такъ много тавтологическихъ утвержденій,

что, пожалуй, у читателя, какъ и по поводу принципа соотносительности, опять явится недоумѣніе: стоять ли говорить о такихъ простыхъ и очевидныхъ вещахъ? Страньше это умозрительно обосновывать и доказывать не значитъ ли вступать въ область совершенно бесполезной схоластики? И я отвѣчу на это недоумѣніе такъ же, какъ и раньше: да, ихъ стоитъ доказывать и даже настоятельно нужно разсмотрѣть ихъ истинный смыслъ,—именно потому, что они такъ просты и ясны, а между тѣмъ мы безжалостно пренебрегаемъ ими, какъ скоро переходимъ къ болѣе конкретнымъ вопросамъ философскаго знанія. Мы какъ будто совсѣмъ забываемъ, что нелѣпое въ себѣ должно оставаться нелѣпымъ и въ своихъ приложеніяхъ къ частнымъ случаямъ. Что результаты, приобрѣтенные нами сейчасъ, не такъ пусты, какъ можетъ показаться съ первого взгляда, въ этомъ мы убѣдимся, если со вниманіемъ остановимся на вопросѣ: душевная жизнь, какъ она непосредственно предстоитъ нашему самосознанію и нашему внутреннему опыту, составляетъ ли простую сумму чистыхъ явлений, во всѣхъ послѣдствіяхъ этого понятія, или въ ея фактахъ прямо даны признаки субстанціального существованія?

Достаточно подумать надъ этимъ вопросомъ серьезно и и безъ предубѣждений,—и мы сразу поймемъ, куда съ неизбѣжностью склоняется его рѣшеніе. Мы непоколебимо убѣдимся, что мыслить духъ какъ простую серию чистыхъ психическихъ явлений или событий такъ же невозможно, какъ нельзя мыслить вещество въ видѣ простого преемства неудержимо смыняющихся движений. Однаково мы убѣдимся, что субстанціальный элементъ душевной жизни не лежитъ гдѣ-то за предѣлами ея непосредственно сознаваемаго содержанія, а выражается въ ней самой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже отбросимъ теперь тѣ отвлеченные логическія противорѣчія въ гипотезѣ чистыхъ, безсубстратныхъ явлений, на которыхъ останавливались раньше, во всякомъ случаѣ мы должны видѣть, что еслибы душевная жизнь состояла только изъ нихъ, она имѣла бы совсѣмъ

другой видъ и образъ. И прежде всего ясно, что ея конкретное содержаніе было бы тогда безусловно ограничено рамками настоящаго безъ малѣйшихъ перспективъ въ прошлое или будущее. Прошлыхъ явленій *уже нѣть*, — будущихъ *еще нѣть*, — а можетъ ли душевная жизнь слагаться изъ того, чего совсѣмъ не существуетъ? Съ этой точки зрењія, все содержаніе нашего сознанія въ каждое данное мгновеніе должно абсолютно исчерпываться явленіями настоящаго момента, во всей его неуловимой мимолетности, и въ немъ не можетъ быть дано ничего *для лица*. Еслибъ даже какое-нибудь явленіе *продолжалось* (т.-е., въ сущности, однобразно *повторялось* въ каждый новый моментъ сознанія, напримѣръ, ощущеніе боли, холода и т. д.), — сознаніе не могло бы этого замѣтить, потому что содержаніе пережитыхъ мгновеній для него абсолютно исчезало бы, и оно было бы постоянно обращено лишь къ тому, что дано теперь. Душевная жизнь действительно представляла бы только серию непрерывно пропадающихъ звеньевъ. Такъ было бы, еслибъ гипотеза духа, какъ чистаго явленія, была справедлива; но это ли мы видимъ въ дѣйствительности?

Здѣсь настъ съ самаго начала встрѣчаетъ тотъ безспорный фактъ, что ни одно психическое дѣйствіе или состояніе не бываетъ мгновеннымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и не сознается, какъ мгновенное. *Длительность* психическихъ феноменовъ есть неизбѣжное условіе ихъ *сознаваемости*, — это одинаково можно сказать о всѣхъ операцияхъ души на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни. Можно спорить о подробностяхъ формулы, выражющей это основное свойство всего психического, но несомнѣнно, что воспріятіе даже самаго элементарнаго ощущенія представляетъ изъ себя цѣлый процессъ, состоящій въ смѣнѣ (болѣе или менѣе быстрой) ряда моментовъ, причемъ всякая предшествующая ступень воспріятія въ общемъ процессѣ даетъ менѣ опредѣленное содержаніе, чѣмъ ступень послѣдующая *).

*) Ср. Н. Ланге: „Психологич. изслѣдованія“, стр. 1.

И все, что мы знаемъ о природѣ нашей чувственной воспріимчивости, заставляетъ утверждать съ полною увѣренностью, что еслибъ въ насъ въ самомъ дѣлѣ промелькнуло ощущеніе, продолжавшееся одинъ безконечно малый, совершенно недѣлимый моментъ времени, мы бы его совсѣмъ и никогда не замѣтили. Очевидно, подобное же обобщеніе съ еще большимъ основаніемъ должно быть сдѣлано о всѣхъ болѣе сложныхъ психическихъ явленіяхъ: наша мысль, решеніе нашей воли, каждое наше чувствованіе не сразу приобрѣтаютъ свой опредѣленный обликъ, а развиваются въ извѣстной постепенности въ послѣдовательномъ рядѣ моментовъ. Въ настоящее время это можно считать экспериментально доказанными фактами. Оттого мгновенность психическихъ феноменовъ всегда лишь *относительна*: всякое воспринятое нами мгновенное содержаніе можетъ быть разложено при нѣкоторыхъ усиленіяхъ внутренняго анализа на рядъ воспріятій еще болѣе мгновенныхъ, и во всякомъ случаѣ для его усвоенія нашимъ сознаніемъ необходимо, чтобы оно длилось извѣстное время. Въ этомъ лежитъ источникъ существенного различія между временемъ *абсолютнымъ*, или въ его отвлеченной идеѣ, и временемъ *психологическимъ*, т.-е. дѣйствительно нами воспринимаемымъ: время абсолютное слагается изъ непрерывно протекающихъ недѣлимыхъ моментовъ настоящаго; время психологическое состоитъ изъ моментовъ, которые сами *длятся*, — другихъ мы не могли бы замѣтить.

Что же выходитъ? Сдѣлаемъ ли мы то общее заключеніе, что абсолютного времени вовсе и нѣть, и что реальное время дѣйствительно состоить изъ длительныхъ моментовъ, въ силу чего явленія настоящаго момента сами должны имѣть длительность? Однако, такое объясненіе страдало бы явною несообразностью: дляящійся моментъ есть или *contradictio in adjecto*, или просто обозначаетъ очень малый периодъ времени; а всякий периодъ времени, какъ бы коротокъ онъ ни былъ, долженъ подчиняться основному закону времени, т.-е. долженъ состоять изъ послѣдовательнаго ряда моментовъ, каждый изъ

которыхъ проходитъ, когда наступаетъ слѣдующій за нимъ. Точно такъ же и наши психическія состоянія, какъ бы неуловимо короткими они намъ ни казались,—разъ они вообще делятся,—должны дѣйствительно слагаться изъ постепенной смѣны состояній еще болѣе мгновенныхъ. Напримѣръ, если предположимъ, что для полнаго развитія зрительного ощущенія какого нибудь цвѣта нужно около трехъ десятыхъ секунды, то изъ этого будетъ вытекать, что когда пройдетъ одна десятая секунды, окончится и та стадія зрительного ощущенія, которая можетъ получиться въ этотъ срокъ, и наступитъ его дальнѣйшая стадія. Такимъ образомъ, и въ психической сфере общая природа времени остается одинаковою какъ для большихъ, такъ и для малыхъ его промежутковъ. Чтобы какой-нибудь психический феноменъ былъ усвоенъ нашимъ сознаніемъ, необходимо, чтобы онъ дѣйствительно длился, т.-е. состоялъ изъ ряда моментовъ, исключающихъ другъ друга.

Какъ же это понять? Скажемъ ли мы, что тѣмъ не менѣе наше сознаніе всегда относится только къ настоящему во всей его мгновенности и неуловимости, что поэтому когда мы, напримѣръ, воспринимаемъ какое-нибудь ощущеніе, то непосредственнымъ предметомъ восприятія является лишь самая послѣдняя стадія образующаго это ощущеніе процес-са, а всѣ предшествующія его ступени воспроизводятся уже въ формѣ воспоминаній, которыя будучи сопоставлены съ тѣмъ, что воспринято прямо, сливаются съ нимъ въ одно ощущеніе данного нераздѣльного настоящаго момента? Однако, очевидна крайняя натянутость такого толкованія. Не говоря уже о томъ, что при немъ нужно допустить, что каждый протекшій моментъ слагающагося ощущенія оставляетъ о себѣ въ сознаніи отдѣльное воспоминаніе, содо-ставление такихъ воспоминаній съ тѣмъ, что воспринимаетъ-ся непосредственно, въ силу основного свойства всѣхъ психическихъ явлений вообще, само должно представлять процессъ, прѣтекающій во времени. А потому для насъ поднимается новый вопросъ: какъ возможно въ насъ созна-

ние совершившагося сопоставлени¤ воспоминаемаго съ воспринимаемымъ? И очевидно, что въ отвѣтѣ на него намъ остается только повторить прежнее объясненіе: мы сознаемъ совершившійся актъ сопоставленія черезъ сопоставленіе предшествующихъ ступеней этого акта съ его послѣднею ступенью. И это разсужденіе намъ придется повторять до бесконечности по поводу все новыхъ предполагаемыхъ сопоставленій, которыхъ будутъ расти непрерывно. Мы тщетно будемъ биться надъ неразрѣшимою проблемою,— втиснуть въ рамки мгновенного настоящаго то, что явно въ нихъ не вмѣщается, потому что не можетъ не быть дляящимся.

Изъ этихъ затрудненій, повидимому, остается лишь одинъ выходъ: признать фактъ, какъ онъ есть; согласиться, что всѣ психическія явленія, какими бы неуловимыми и элементарными они намъ ни казались, образуются непремѣнно изъ ряда протекающихъ моментовъ, и что каждое психическое состояніе въ своемъ цѣломъ получается черезъ дѣйствительное объединеніе самихъ пройденныхъ ступеней, а не какихъ-нибудь воспроизведящихъ ихъ воспоминаній или психическихъ слѣдовъ. Но допустить что-нибудь подобное не значитъ ли утверждать очевидную несообразность? Что можетъ быть яснѣе той непрекаемой, даже тавтологической истины, что *прошлое уже прошло?* А думать, что прошедшія уже ступени душевныхъ состояній, въ этомъ своемъ качествѣ прошедшихъ, соединяются со ступенями, данными теперь, не означаетъ ли обращать эту истину въ ничто? Вотъ тутъ то и оказывается настойчивая необходимость признать субстанціальный элементъ даже въ самыхъ элементарныхъ фактахъ сознанія: уже всякое самое простое и кратковременное ощущеніе представляеть изъ себя *актъ синтеза*, объединяющій въ себѣ настоящее съ прошлымъ. И совершенно ясно, что въ этомъ актѣ мы не можемъ опять видѣть только послѣдовательный рядъ моментовъ, каждый изъ которыхъ уже отсутствуетъ, когда наступилъ другой: этимъ допущеніемъ мы внесли бы въ понятіе синтеза ту

самую трудность, которую хотѣли устраниить его помощью; и попали бы въ безконечный кругъ,—для каждого акта синтеза мы были бы вынуждены подыскивать объясняющій его новый актъ синтеза. Поэтому намъ остается принять, что каждый такой синтезирующей актъ обладаетъ дѣйствительнымъ внутреннимъ единствомъ и лишь въ этомъ качествѣ *одного акта* связываетъ прошлое съ настоящимъ, относясь и къ тому, и къ другому, какъ къ вещамъ, одинаково для него реальнымъ. Другими словами, онъ не долженъ подчиняться основному закону времени, въ немъ что-то должно возвышаться надъ непрерывностью временного прехожденія и сохранять реальное тожество въ различные моменты. А мы знаемъ, что это значитъ: это можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что въ актахъ психического синтеза послѣдовательныхъ моментовъ прямо и непосредственно выражается субстанціальная сила душевной жизни. Здѣсь само собою напрашивается сравненіе: подобно тому, какъ въ природѣ физической всякой процессъ понятенъ лишь при томъ условіи, что состоянія, переживаemyя въ немъ материальными элементами, не исчезаютъ безслѣдно, но каждое состояніе приноситъ съ собою новое расположеніе и движеніе вещества, которыя впервые дѣлаютъ возможными дальнѣйшія звенья процесса, и такимъ образомъ звенья предшествующія отражаются въ послѣдующихъ и какъ бы идеально содержатся въ нихъ,—такъ и въ операцияхъ души отдѣльные стадіи не только проходятъ, но сливаются и объединяются съ послѣдующими, потому что каждая изъ нихъ есть нѣкоторое положительное опредѣленіе сознающаго субъекта, а этотъ субъектъ остается и поэтому сохраняетъ въ себѣ каждое приобрѣтенное опредѣленіе, лишь дополняя и видоизмѣняя его новыми. Психический синтезъ выражаетъ сверхвременные отношенія только потому, что въ немъ непосредственно реализуется преъбающее единство нашего *я*, иначе самое понятіе о такомъ синтезѣ содержало бы глубокое логическое противорѣчіе. Но, съ другой стороны, безъ дѣйствительнаго психи-

ческаго синтеза нашъ внутренний опытъ быль бы также совсѣмъ немыслимъ *).

Однако, такое единство синтеза, какъ бы ни было оно хорошо обосновано отвлечеными доказательствами, во всякомъ случаѣ есть только наше предположеніе? Слѣдуетъ сказать совсѣмъ наоборотъ: это самый основной и безспорный фактъ нашего душевнаго существованія. Мы никогда не воспринимаемъ безконечно малыхъ звеньевъ психического ряда,—до предположенія о нихъ мы можемъ дойти только путемъ окольныхъ соображеній,—во внутреннемъ опыта намъ всегда бываютъ даны процессы въ ихъ цѣломъ, въ ихъ длительности и завершенности. И тѣмъ не менѣе мы каждое наше ощущеніе признаемъ *однимъ* ощущеніемъ, каждое наше отдельное чувство *однимъ* чувствомъ, каждую нашу мысль *одною* мыслю. Не означаетъ ли это что *непосредственнымъ* предметомъ нашего сознанія и переживанія всегда является нашъ внутренно единый психический синтезъ, а никакъ не тотъ предполагаемый текущій процессъ непрерывной смѣны, который мы воображаемъ въ качествѣ матеріала для него? И эту постоянно происходящую въ насъ синтезирующую дѣятельность, на что бы она ни была направлена, мы всегда сознаемъ, какъ *свою*, и, наоборотъ, мы сознаемъ себя лишь настолько, насколько ощущаемъ, хотимъ, мыслимъ и совершаемъ другія психическія дѣйствія. Опять не значитъ ли это, что въ нашемъ душевномъ опыте намъ прямо раскрывается внутренняя соотносительность феноменального и субстанціального въ насъ, и что въ единствѣ нашихъ дѣйствій мы узнаемъ и переживаемъ свое собственное тожество, какъ дѣятельного существа? Такимъ образомъ, то, что мы вывели, какъ a priori необходимое, есть въ то же время *фактъ сознанія*; а напротивъ, всякия попытки объяснить и вывести этотъ фактъ изъ

*) Изъ аналогичныхъ соображеній исходитъ Allen Vannérüs въ своей критикѣ ученія Вундта о чистой актуальности сознанія. (Archiv für systematische Philosophie, 1895). Ср. E. Caro, L'idée de Dieu, p. 155—167.

законовъ чистыхъ явлений опираются на предположенія, не состоятельность которыхъ для насъ теперь очевидна. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, взамѣнъ общепринятаго: мы *сознаемъ въ себѣ только явленія*, мы должны признать прямо противоположное утвержденіе: мы *никогда не сознаемъ и не можемъ сознавать однихъ явлений; постояннымъ и единственнымъ предметомъ нашего внутренняго опыта всегда оказывается субстанциальное тожество нашего сознанія въ его разнообразныхъ выраженіяхъ*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что роль психического синтеза далеко не исчерпывается областью элементарныхъ явлений души. Мы остановились на нихъ только потому, что въ нихъ она наименѣе замѣтна и оттого всего чаще игнорируется. Напротивъ, она тѣмъ шире признается во всѣхъ психологическихъ школахъ, чѣмъ болѣе сложныя отношенія явлений приходится подвергать психологическому анализу. Поэтому мы не будемъ долго останавливаться на значеніи психического синтеза для объясненія закона *относительности душевныхъ явлений*, т.-е. того ихъ свойства, что каждый психический фактъ и возникаетъ и получаетъ свое содержаніе въ непремѣнной зависимости отъ другихъ фактовъ, которые уже даны въ сознаніи: каждое психическое явленіе развивается на фонѣ другихъ и въ связи съ ними. Напримеръ, еслибы испытываемое мною теперь ощущеніе не находилось ни въ какомъ отношеніи къ предшествующимъ психическимъ фактамъ и начинало психической рядъ совсѣмъ вновь,—положимъ, было бы первымъ моимъ психическихъ состояніемъ въ жизни,—тогда оно было бы совершенно другимъ, чѣмъ теперь, когда я очень много испыталъ раньше, а можетъ быть, оно вовсе не было бы тогда ощущеніемъ или даже вообще дѣйствительнымъ психическимъ состояніемъ. Очевидно, тѣ самыя соображенія, которыя обосновываютъ необходимость сверхвременного психического синтеза явлений въ виду ихъ *длительности*, прилагаются и къ принципу ихъ *относительности*. Въ относительности душевыхъ состояній мы имѣемъ тотъ же фактъ неотдѣлимости частныхъ звеньевъ психического ряда отъ ихъ предшеству-

ющихъ и всецѣлой зависимости ихъ конкретнаго содержания отъ этихъ послѣднихъ,—только въ увеличенномъ масштабѣ. Поэтому я прямо перейду къ разсмотрѣнію таинственнаго феномена, который лежитъ въ основѣ всей нашей личной жизни,—я разумѣю область явленій памяти.

IV.

Проблема памяти занимала психологовъ съ давнихъ временъ,—нѣтъ ничего удивительного поэтому, что для ея разрѣшенія сдѣлано уже очень много. Въ настоящее время, къ объясненію явленій нашей памяти подходятъ съ двухъ концовъ: психологи указываютъ ихъ источникъ и двигатель въ господствѣ надъ теченіемъ нашихъ идей законовъ ассоціаціи; физиологи ищутъ основы памяти въ устройствѣ мозговой коры, въ физиологическихъ связяхъ между отдѣльными центрами мозга и т. д. Не можетъ однако не показаться страннымъ, что во всѣхъ подобныхъ попыткахъ наиболѣе важная и загадочная сторона проблемы обыкновенно совсѣмъ игнорируется. Я говорю о нашемъ сознаніи *реальности нашего прошлого*.

Положимъ, я вчера совершилъ отдаленную поѣздку, получилъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, перевидалъ много новыхъ лицъ, имѣлъ весьма интересныя бесѣды съ ними и вернулся. Сегодня я живо представляю себѣ все это и тѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе были мои вчерашнія впечатлѣнія. Въ объясненіе этого факта, психологи ассоціативной школы справедливо отмѣтятъ, что мои сегодняшнія воспоминанія о вчерашнемъ днѣ возникли въ результатахъ прямого дѣйствія законовъ ассоціаціи: мои воспоминанія о вчерашнихъ событияхъ, въ силу закона смежности, сочетались въ одну стройную картину, и, въ силу того же закона, вслѣдствіе непрерывности впечатлѣній, примкнули къ моимъ воспоминаніямъ о сегодняшнемъ днѣ. Кромѣ того, воспроизведеніе вчерашнихъ впечатлѣній можетъ возбуждаться во мнѣ и по закону сходства: ощущенія, переживаемые сегодня, могутъ мнѣ напомнить то, что я испыталъ вчера,

по сходству или контрасту. Съ своей стороны, физиологъ будетъ ссыльаться на легкую возбудимость центровъ, только вчера воспринявшихъ сильная и разнообразныя впечатлѣнія. Но для насъ теперь не въ этомъ дѣло,— я хотѣлъ бы сосредоточить вниманіе читателя на слѣдующемъ вопросѣ: почему я однако знаю, что все воспоминаемое мною было дѣйствительно?

Онъ не такъ неумѣстенъ, какъ можетъ показаться. Вѣдь всѣхъ этихъ событий, пережитыхъ мною вчера, сейчасъ уже нѣтъ. Вчерашній день прошелъ, а съ нимъ прошло все, что его составляло. Правда, я о немъ сохраняю воспоминаніе. Но что же оно такое? Вѣдь воспоминаніе есть мое представление или рядъ представлений, который сознается мною теперь, сейчасъ,—такъ же, какъ я, напримѣръ, сейчасъ вижу предъ собою горящую свѣчку. И сравнительно съ тѣмъ, что я теперь вижу, слышу и ощущаю другими чувствами, эти представленія оказываются неопределеными, тусклыми, сливающимися между собою; я усматриваю въ нихъ нѣчто субъективное, только воображаемое въ противоположность реальнымъ впечатлѣніямъ отъ обстановки и лицъ, окружающихъ меня теперь. Въ этомъ заключается непосредственно данная природа воспоминаній въ моемъ сознаніи въ настоящую минуту. Но этимъ дѣло, очевидно, не ограничивается. Воспоминаніями ихъ дѣлаетъ не ихъ тусклость и не ихъ субъективность,—тогда они могли бы вовсе не отличаться отъ совершенно произвольныхъ порожденій моей фантазіи,—а нѣкоторое другое обстоятельство: я вижу въ нихъ изображеніе того, что дѣйствительно было вчера и было уже не въ видѣ смутныхъ субъективныхъ представлений, а въ качествѣ реальныхъ впечатлѣній. И я опять спрашиваю: какъ это возможно?

Пускай представлениа, изъ которыхъ слагаются мои воспоминанія, изображаютъ вчерашнія события какъ нельзя болѣе вѣрно и точно. Но почему я могу обѣ этомъ знать? Вчерашнія события прошли,— ихъ нѣтъ; а моихъ теперешнихъ представлений не было вчера. Въ чемъ же, когда и

какъ я могу ихъ сравнить? Почему эти мои представлени¤ о вчерашней поездкѣ служатъ для меня копией дѣйствительныхъ событий, вызывающею къ себѣ безусловное довѣріе? Сошлемся ли мы, вслѣдъ за Юномъ, на большую интенсивность воспоминаемыхъ образовъ сравнительно съ простыми созданіями воображенія? Но правда ли, что воспоминаемые образы всегда интенсивнѣе воображаемыхъ? Да и чому здѣсь можетъ помочь интенсивность? Вѣдь переживаемыя нами теперь ощущенія еще гораздо интенсивнѣе образовъ воспоминанія, но это нисколько не побуждаетъ насъ проецировать ихъ въ прошлое. Или мы будемъ объяснять нашу вѣру въ реальность прошлыхъ событий тѣмъ, что наши воспоминанія о нихъ составляютъ одну неразрывную цѣль, которая, нигдѣ не прерываясь, тянется назадъ отъ настоящей минуты? Однако справедливо ли, что эта цѣль неразрывна? Каждому извѣстно изъ собственного опыта, что даже въ воспоминаніяхъ о недавнихъ событияхъ очень многія звенья выпадаютъ совсѣмъ, что этихъ выпавшихъ звеньевъ оказывается тѣмъ больше, чѣмъ болѣе воспоминаемыя события отступаютъ въ прошлое, и что когда дѣло идетъ о событияхъ отдаленныхъ, наши воспоминанія скорѣе приходится сравнивать съ немногими разрозненными свѣтлыми пятнами на совершенно темномъ фонѣ. Да еслибъ даже цѣль нашихъ воспоминаній была дѣйствительно неразрывна, въ чемъ бы тутъ могло заключаться объясненіе? Вѣдь эта цѣль въ моемъ сознаніи во всякомъ случаѣ состоить изъ моихъ *теперешнихъ* представлений, а весь вопросъ въ томъ, какъ я могу знать, что *теперешнія мои представлени¤* изображаютъ *прошлую дѣйствительность*?

Несомнѣнно, этому вопросу можно дать еще болѣе общий и принципіальный видъ: какъ мы можемъ вообще сознавать время? Почему наша мысль относится къ прошлому и будущему, какъ къ чему-то безспорно реальному? Если въ нашемъ сознаніи содержится толькo то, что дано теперь, то какъ мы сознаемъ то, чего теперь никоимъ образомъ не дано, а что или уже прошло или еще не наступило? Какъ для сознанія мо-

жеть оказаться действительнымъ то, что недѣйствительно по всему своему составу? а таково, какъ мы знаемъ, время...

Какъ бы мы ни переворачивали эти вопросы и недоумѣнія, изъ нихъ, очевидно, нѣтъ выхода съ точки зренія феноменистическихъ посылокъ. Мы вновь должны прибѣгнуть къ фактору, предположеніе о которомъ оказалось неизбѣжнымъ въ аналогичныхъ вопросахъ о *длительности и относительности психическихъ состояній*, — къ сверхвременному (и, стало быть, субстанціальному) субъекту нашего сознанія. Мнѣ уже однажды приходилось защищать тотъ тезисъ, что сознаніе реальности времени есть самое очевидное, самое точное, самое бесспорное доказательство сверхвременной природы нашего я *). Если вспомнимъ, что было сказано раньше о природѣ явлений вообще, объ ихъ отношеніи къ времени и о природѣ самого времени, мы поймемъ неизбѣжность такого вывода. Для нась теперь ясно, что если бы душевная жизнь и сама душа представляли простую чреду состояній, то существованіе каждого изъ нихъ должно было бы ограничиваться тѣмъ мгновеніемъ; въ которое оно дано, но не могло бы содержать моментовъ, уже протекшихъ или еще не возникшихъ. Для нась далѣе должно быть ясно, что если, при отрицательной природѣ времени, все въ немъ данное непрерывно исчезаетъ, то само время для этого въ немъ данного не можетъ представить реального объекта восприятія, какъ нѣкоторое цѣлое, растянутое въ прошломъ и будущемъ. А это значитъ, что время не можетъ быть сознано и понято тѣмъ, что само *временно*. Для сознанія времени нужно, чтобы во временномъ процессѣ стояло нѣчто такое, что имъ не поглощается и въ немъ не исчезаетъ и что поэтому можетъ находиться въ положительномъ отношеніи къ его различнымъ моментамъ. Если можно такъ выразиться, сознаніе времени есть *субстанціальная функция души*.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ единую субстанціаль-

*) „Положит. задачи фил.“ ч. II, стр. 298.

ную силу, которая является постояннымъ источникомъ многообразныхъ дѣйствій, что вполнѣ отвѣчало бы самому понятію о ней, потому что сила, не обнаруживающая себя ни въ какихъ дѣйствіяхъ, не была бы силою; эта сила, вслѣдствіе своей субстанціальной природы, очевидно, не можетъ истощаться и уничтожаться въ своихъ отдѣльныхъ актахъ, она должна постоянно переходить все къ новымъ проявленіямъ, и эти проявленія всего скорѣе придется мыслить въ формѣ разнообразныхъ отношеній и соприкосновеній съ внѣшними ей силами. Допустимъ далѣе, согласно принципу соотносительности, что эта сила существуетъ не вѣтъ своихъ состояній и дѣйствій, а пребываетъ въ каждомъ изъ нихъ, какъ въ положительному внутреннемъ опредѣленіи своего развитія, и перейдя къ новому опредѣленію, не перестаетъ быть пережившею, воспринявшою и видоизмѣнившося чрезъ предшествующее, и что, съ другой стороны, пріобрѣтенное ею новое опредѣленіе не есть для нея что-нибудь окончательное, но, вслѣдствіе присущей ей активности, она непрерывно стремится къ проявленіямъ все болѣе новымъ. Въ такихъ предположеніяхъ не только нѣтъ логического противорѣчія, но всякую причинность въ мірѣ мы, въ сущности, понимаемъ лишь по этой аналогії*). Теперь вообразимъ, что эта индивидуально существующая субстанціальная сила воспринимаетъ сама себя такъ, какъ она есть: очевидно, у нея должна получиться и *память*, какъ сознаніе реальности прошлыхъ состояній въ ихъ истинномъ порядкѣ, и *восприятие времени*, какъ различие между пережитымъ и тѣмъ, что переживается, и какъ постоянное предвосхищеніе будущаго и стремленіе къ нему. Другими словами, память и сознаніе времени суть аргументы необходимые атрибуты дѣятельной субстанціи, сознающей себя. И можно сказать наоборотъ, что для ея сознанія не оказалось бы никакого другого содержанія, кроме ея собственного тождества въ чредѣ разнообразныхъ состояній и актовъ.

*) „Положит. зад. фил.“, ч. II, гл. III.

Итакъ, мы опять возвращаемся къ той истинѣ, что единство нашего сознанія есть не производный, но основной фактъ психической жизни; это не продуктъ прихотливой игры явлений въ насъ, а коренное условіе самой возможности какихъ бы то ни было субъективныхъ явлений вообще. Значеніе этой истины глубоко понималъ Кантъ, когда создавалъ свою теорію *трансцендентальной апперцепціи*. Непрерывно воспринимая и переживая свое внутреннее тожество въ разнообразіи состояній, мы тѣмъ самымъ сознаемъ, что мы не только *есть*, но *были* и *будемъ*. Сознаніе этого длящагося тожества раскрывается для насъ въ каждомъ малѣйшемъ нашемъ актѣ, и самое сознаніе времени есть только его обобщенная форма. Несомнѣнно, на этомъ же корнѣ выростаетъ и наше сознаніе своей личности. Поэтому, единство сознанія дѣйствительно можно назвать *трансцендентальнымъ фактомъ* внутренняго опыта.

Напротивъ, если мы отвергнемъ это сверхвременное единство нашего я, какъ реальное данное душевной жизни, то сознаніе времени окажется невозможнымъ даже въ качествѣ *иллюзіи*. Такой иллюзіи тогда просто неоткуда взяться. Я уже не говорю о томъ, что взглядъ на время, какъ на простую иллюзію, немедленно опровергаетъ самъ себя во всякой попыткѣ его продумать,—ибо каждый процессъ мысли въ насъ, самымъ своимъ совершеніемъ, тотчасъ же обнаруживаетъ свой длительный характеръ.

Такимъ образомъ, фактъ памяти, въ виду его наглядности, представляетъ какъ бы *experimentum crucis* въ спорѣ между *феноменистическимъ* и *субстанциалистическимъ* взглядомъ на душу. Онъ явно невозможенъ, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе существенныхъ своихъ особенностяхъ,—при первомъ, онъ а *priori* необходимъ при второмъ. Если для воззрѣнія на душу, какъ на сверхвременное существо, является какое затрудненіе при объясненіи феноменовъ памяти, то совсѣмъ съ другой стороны: оно заключается въ ограниченности нашей памяти и въ тѣсной зависимости ея процессовъ отъ весьма сложныхъ условій. Мы далеко не

все вспоминаемъ изъ нашего прошлаго и далеко не одинаково вспоминаемъ въ разные моменты нашей жизни,—наша способность воспроизводить пережитыя впечатлѣнія какъ призно мѣняется вмѣстѣ съ состояніемъ нашего здоровья, настроениемъ, возрастомъ и т. д. Даже въ самыя свѣтлыя минуты воспоминаніе объ очень многихъ вещахъ окружено для насъ непобѣдимыми препятствіями. Правда, существуютъ весьма интересные разсказы о томъ, какъ нѣкоторые люди, въ моменты крайней опасности, припоминали всю свою прошлую жизнь въ малѣйшихъ подробностяхъ, и она вставала передъ ними вся, въ одной цѣльной картинѣ. Однако, о подобныхъ фактахъ мы знаемъ только изъ передачи лицъ, ихъ испытавшихъ, притомъ сдѣланной уже тогда, когда они сами не могли ясно воспроизвести для себя пережитаго ими чрезвычайного состоянія, и слѣдовательно могли дѣлать ему ошибочную оценку. Наконецъ, кромѣ сейчасъ указанныхъ недостатковъ нашей способности воспоминанія въ ея обычной дѣятельности, слѣдуетъ иметь въ виду многочисленные случаи обмановъ памяти, наблюдаваемые не только у людей больныхъ, но и у вполнѣ нормальныхъ.

Вообще нельзя не отмѣтить того весьма важнаго пункта, что явленія памяти имѣютъ характеръ *опосредствованнаго*, и въ этомъ ихъ существенное различие отъ воспріятія длительныхъ психическихъ состояній каждого въ отдельности. Соображенія, приведенные раньше, заставляютъ думать, что эти отдельные состоянія мы сознаемъ безъ всякихъ воспроизводящихъ посредствъ, прямо объединяя ихъ послѣдовательные моменты въ одно психическое цѣлое. Напротивъ, въ явленіяхъ памяти мы не воспринимаемъ прошлаго прямо, хотя и сознаемъ его реальность; мы его воспроизводимъ *чрезъ посредство* воспоминаній, которыхъ во всякомъ случаѣ представляютъ изъ себя факты текущей минуты. Мы только проецируемъ свои воспоминанія назадъ, но предъ нашимъ сознаніемъ не стоять самыя прошлые события. Какъ объяснить это различіе?

По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что при объясненіи

фактовъ памяти представляются три *ипотезы*: 1) Гипотеза *феноменистическая*. Если отвлечься отъ общихъ противорѣчий феноменизма, она до извѣстной степени объясняетъ механизмъ возникновенія воспоминаній въ каждый данный моментъ; но она совершенно бессильна объяснить наше сознаніе реальности прошлаго,—постоянно совершающее нами *узнаніе* въ образахъ настоящаго дѣйствительно бывшихъ фактовъ. 2) Гипотеза *спиритуалистическая*, признающая душу за единую, неизмѣнную субстанцію, въ которой все ею испытанное остается навсегда въ томъ самомъ порядкѣ, какъ оно было пережито. Приблизительно такъ смотрить на явленія памяти, наприм.: Лотце. Эта гипотеза хорошо объясняетъ единство нашего сознанія и факты узнанія прошлаго въ настоящемъ, но она совершенно неспособна дѣйствительно растолковать сейчасъ указанную ограниченность, связанность и условность явлений памяти. 3) Гипотеза *непрерывнаго взаимодѣйствія души и тѣла*. Она могла бы слагаться изъ слѣдующихъ соображеній. Нашъ духъ въ самомъ дѣлѣ есть сверхвременное субстанціальное существо, и поэтому все, что имъ было пережито и воспринято, хранится въ немъ, объединенное въ стройную, послѣдовательную картину. Но эта картина отражается въ его самосознаніи только въ очень тускломъ, смутномъ и слитномъ,—такъ сказать *сжатомъ*,—видѣ. Собственно говоря, въ этомъ случаѣ мы даже имѣемъ не сознаніе въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе только неопределеннное общее чувство или *темный инстинктъ* прошлаго. Чтобы какое-нибудь воспоминаніе выдѣлилось изъ этого совершенно слитнаго состоянія, нужно, чтобы оно облеклось въ чувственно-наглядный образъ; а для этого необходимо, чтобы повторилось соотвѣтствующее ему впечатлѣніе, если не въ формѣ реального ощущенія, то по крайней мѣрѣ въ формѣ его ослабленного и субъективнаго воспроизведенія. Тогда духъ инстинктивно угадаетъ реальное значение этого образа и оцѣнить его, какъ символъ прошлой дѣйствительности. Между тѣмъ все, что мы знаемъ о психическихъ процессахъ въ насъ, застав-

ляеть думать, что для такого воспроизведения впечатлений,— какъ въ ихъ прежней интенсивности, такъ и видъ ихъ ослабленного повторенія въ субъективныхъ образахъ воспоминанія,—одинаково бывають нужны особы физиологическая условия. Отсюда вытекаютъ зависимость феноменовъ памяти отъ чисто вицъніхъ и случайныхъ обстоятельствъ, возможныя въ нихъ aberrациі и т. д. Черезъ это вообще вопросъ о психологическомъ и физиологическомъ механизмахъ нашихъ воспоминаній получаетъ первостепенное значение. Можно сказать, что въ явленіяхъ памяти наша душа болѣе наглядно подчинена физической организаціи, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ.

Конечно, сейчасъ изложенный взглядъ есть только гипотеза, но повидимому ее должно признать за единственную гипотезу, въ которой дѣйствительно примиряются трансцендентальные факты сознанія нашего единства и реальности времени съ тѣсною зависимостью законовъ памяти отъ физиологического строенія организма. Объ этой гипотезѣ мнѣ придется гораздо подробнѣе говорить въ моемъ слѣдующемъ рефератѣ, — теперь укажу только, что ея наиболѣе трудный пунктъ заключается въ предположеніи темнаго и слитнаго сознанія, какъ очень важнаго фактора духовныхъ операций. Однако, можемъ ли мы совсѣмъ обойтись безъ этого предположенія, — даже и помимо вопроса о природѣ памяти? Психологи повидимому, слишкомъ ограничиваются область сознаваемаго, останавливаясь только на томъ, что сознается ясно и отчетливо, и черезъ это даютъ явно одностороннее описание состава душевной жизни. Еслибы мы настоящимъ образомъ оцѣнили огромную роль слитно чувствуемаго въ психическихъ процессахъ, мы убѣдились бы, что существуетъ гораздо больше степеней сознанія, чѣмъ мы привыкли думать. Обратимъ вниманіе хотя бы на то обстоятельство: въ каждую единицу времени въ насъ присутствуютъ очень немногія раздѣльные представленія (многіе психологи и теперь увѣрены, что не болѣе одного), а между тѣмъ мы имѣемъ сознаніе о нашей

личности, о всей нашей прошлой жизни въ ея связныхъ и разнообразныхъ перипетіяхъ,—мы испытываемъ настроенія, отвѣчающія нашей общей опѣнкѣ прошлаго, и составляемъ вытекающіе изъ нея планы о будущемъ. Или возьмемъ не менѣе краснорѣчивую область нашей отвлеченнай мысли: въ каждомъ общемъ утвержденіи мы охватываемъ въ своеѣ пониманіи неограниченное множество предметовъ, а многіе ли изъ нихъ ясно представляются нами? Куда было бы вставить эти факты, еслибы въ самомъ дѣлѣ вся жизнь сознанія всецѣло ограничивалась наличнымъ присутствіемъ немногихъ случайныхъ представлений въ каждую данную минуту? Скажемъ ли, что рядомъ съ весьма ограниченной областью сознанія существуетъ огромная область представлений, совсѣмъ безсознательныхъ, и что рассматриваемая явленія относятся къ ней? Но вѣдь мы сознаемъ свою личность и свое прошлое и сознаемъ отвлеченный характеръ нашихъ мыслей,—въ чёмъ же поможетъ намъ безсознательное, когда его единственный понятный намъ признакъ только въ томъ и состоитъ, что оно *не сознается*? Между тѣмъ въ психологіи вопросы этого рода едва лишь намѣчены.

V.

Итакъ, единство сознанія и связанное съ чимъ *сознаніе реальности времени* суть трансцендентальные факты нашего внутренняго опыта: въ нихъ мы непосредственно воспринимаемъ внутреннее тожество нашего сознающаго существа и они представляютъ нечто въ самомъ строгомъ смыслѣ первоначальное въ нашей душевной жизни. Они условіе опыта, а никакъ не его продуктъ: все, что входитъ въ нашъ опытъ, какъ его составной элементъ, неизбѣжно пропускается черезъ ихъ призму и иначе не могло бы принадлежать къ опыту. Поэтому неѣтъ болѣе ложнаго пріема психологическаго анализа, какъ пытаться ихъ выводить изъ какихъ-нибудь простѣйшихъ данныхъ, каковы законы ассоціаціи идей, процессы абстракціи и т. д. Напротивъ, въ нихъ мы имѣемъ факты и самые широкіе по свое-

му захвату, обнимающіе всѣ изгибы душевной жизни, и самые простые и элементарные, потому что они присутствуютъ уже въ самомъ простомъ ощущеніи, какъ его неустранимое условіе и основа.

Къ этимъ трансцендентальнымъ фактамъ слѣдуетъ прибавить еще одинъ: сознаніе нашей *активности*. Несомнѣнно, онъ тѣсно слитъ съ двумя первыми: мы только черезъ то и сознаемъ свое единство, что объединяемъ (синтезируемъ) многообразныя впечатлѣнія въ непрерывномъ внутреннемъ тожествѣ нашего сознаванія, а такое объединеніе и синтезированіе, очевидно, представляютъ собою *дѣятельность* нашего субъекта. Что въ этой дѣятельности непосредственно выражается единая субстанціальная основа сознанія, ясно изъ того уже, что чрезъ нее только и реализуется единоіство: не будь въ насъ этой синтезирующей дѣятельности, у насъ не было бы и никакого единаго сознанія. Вообще, какъ мы въ этомъ неоднократно могли убѣдиться, субстанція, по самому своему понятію, прежде всего есть дѣятельная сила своихъ явленій, которая въ нихъ многообразно осуществляется и связываетъ ихъ между собою. Слѣдовательно, если мы въ самомъ дѣлѣ воспринимаемъ субстанцію нашего духа, мы должны непосредственно воспринимать его дѣятельность.

Я не хочу здѣсь повторять много разъ высказанныхъ мною соображеній о томъ, что *активность* есть дѣятельное свойство сознанія, котораго никоимъ образомъ нельзя растолковать, какъ простую иллюзію, выросшую на почвѣ чисто-пассивныхъ состояній. Роль дѣятельного синтеза въ возникновеніи даже простѣйшихъ психическихъ феноменовъ даетъ самое рѣшительное подтвержденіе такой оцѣнкѣ. Но область проявленій нашей активности, конечно, не ограничивается только этою способностью первоначального синтеза. Не говоря уже о проявленіяхъ нашей волевой дѣятельности, я хотѣлъ бы теперь напомнить тѣ выводы о значеніи активности въ процессахъ мышленія, къ которымъ я пришелъ въ одномъ изъ моихъ рефератовъ про-

шлыхъ годовъ *): самодѣятельность нашего сознанія,—при этомъ непремѣнно сознаваемая и воспринимаемая, какъ таковая,—есть основа и необходимый ингредиентъ нашего пониманія различій между прошлымъ и будущимъ, нашего противоположенія дѣйствительного возможному, нашего мышленія всякихъ отвлеченныхъ идей, наконецъ такихъ эмоцій, какъ ожиданіе, страхъ, надежда. Къ этому мы можемъ прибавить, что въ живомъ сознаніи пребывающаго единства нашего дѣятельного я мы имѣемъ всегда присущій нашему уму оригиналъ наиболѣе важныхъ категорій нашей мысли—*субстанціальности и причинности*. Несомнѣнно, этимъ категоріямъ принадлежитъ исключительное значеніе въ построении объективной науки, и тѣмъ не менѣе ихъ психологическое происхожденіе и мотивы ихъ господства надъ нашимъ разумомъ до сихъ поръ составляютъ камень преткновенія для психологовъ.

Итакъ, наше я или наша душа раскрывается въ нашемъ опыте, какъ единая, пребывающая, дѣятельная субстанція, которая сознаетъ себя въ этихъ качествахъ. Эти свойства не приписываются нами ей по недоразумѣнію или невольной иллюзіи, — они представляютъ одновременно и условія, и неустранимые элементы содержанія нашей душевной жизни. Въ опытѣ нашего сознанія мы всегда имѣемъ дѣло съ его субстанціальнымъ носителемъ и, воспринимая явленія духа, мы воспринимаемъ самый духъ, поскольку онъ реализуется черезъ нихъ въ своихъ подлинныхъ признакахъ.

Но эти свойства—единство, пребываніе, активность—не представляются ли слишкомъ общими и отвлеченными? Не должны ли мы, рядомъ съ ними, допустить еще другія, о которыхъ мы уже не имѣемъ непосредственнаго знанія изъ опытныхъ данныхъ и которыхъ тѣмъ не менѣе такъ же реальны, какъ и тѣ, о которыхъ мы говорили? Не придется

*). „Подвижные ассоціаціи представлений“. „Вопросы Филос. и Псих.“, 1893, сентябрь.

ли тогда утверждать вмѣстѣ съ Кантомъ, что духъ, какъ *вещь въ себѣ*, отъ насъ скрытъ, что для его представлениія у насъ не оказывается никакой наглядной интуиціи и что поэтому мы приближаемся къ его пониманію только въ безсодержательныхъ абстракціяхъ?

Правы ли будуть тѣ, кто сдѣлаетъ этотъ упрекъ? Скорѣе въ немъ можно видѣть примѣръ того, какъ иногда запутываются самыя ясныя проблемы неосторожною постановкой неумѣстныхъ требованій. Если выводы, сдѣланные нами до сихъ поръ, справедливы, то мы можемъ съ полною увѣренностью сказать, что имѣемъ конкретную интуицію нашего духа,—она дана намъ во всей совокупности нашей душевной жизни и въ каждомъ ея отдельномъ актѣ. Но о духѣ, взятомъ отвлеченно отъ всѣхъ его проявленій, мы дѣйствительно не имѣемъ нагляднаго представлениія, — по той простой причинѣ, что онъ и есть только *отвлеченностъ*. О наглядномъ образѣ здѣсь тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи, что всякий наглядный образъ есть уже опредѣленный психической продуктъ, который не могъ бы явиться, еслибъ единство, сверхвременное пребываніе и активность нашего сознающаго субъекта не были уже даны, какъ условія его возникновенія.

Косвеннымъ подтвержденіемъ сейчасъ сдѣланныхъ замѣчаній можетъ служить тотъ фактъ, что, анализируя наши понятія о какомъ бы то ни было субстанціальномъ бытіи, мы найдемъ въ немъ признаки аналогичные тѣмъ, которые доставляетъ намъ наше самосознаніе, но не отыщемъ никакихъ другихъ. Съ первого взгляда дѣло представляется иначе: наприм., когда вопросъ ставится хотя бы о материальномъ атомѣ, мы въ идеяхъ о непроницаемости, инерціи, протяженности, величинѣ, фигурѣ, повидимому, имѣемъ вполнѣ наглядный матеріаль для конкретной интуиціи. Однако, отбросимъ въ этихъ идеяхъ то, что въ нихъ есть субъективно-чувственное,—что останется тогда отъ нихъ, кроме предположенія о различныхъ способахъ дѣйствія силъ, установляющихъ бытіе атома: сопротивленія, стремленія

пребывать въ каждомъ пріобрѣтенномъ состояніи,—и о предѣлахъ проявленія этихъ силъ, потому что протяженность, величина, фигура обозначаютъ только границы постоянной сферы, въ которыхъ атомъ непроницаемъ для другихъ тѣлъ? Но эти изначальныя силы атома сами по себѣ, въ своихъ внутреннихъ опредѣленіяхъ, очевидно, уже не имѣютъ внѣшняго облика, потому что всякий такой обликъ выражаетъ форму ихъ дѣйствія на окружающій міръ и, слѣдовательно, представляетъ лишь относительное явленіе. Допустимъ гипотетически, что атомъ обладаетъrudimentарнымъ самочувствіемъ и воспринимаетъ свою внутреннюю дѣйствительность: онъ будетъ сознавать себя, какъ пребывающій центръ многообразныхъ отношеній и дѣйствій, но все же о себѣ, какъ дѣятельномъ источникѣ внутреннихъ силъ, онъ не получитъ никакого нагляднаго, объективнаго образа, потому что, какъ мы сейчасъ видѣли, у него *и нынѣ этого образа*. Не будемъ же требовать и отъ своей души того, чего не можемъ приписать даже въ отвлеченной схемѣ никакому сознающему центру.

Л. Лопатинъ.
